

## УБИЙСТВА ФЛОТСКИХ ОФИЦЕРОВ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.



Февральская революция 1917 года в главных базах Балтийского флота сопровождалась стихийными самосудами и расправами над неугодными матросам офицерами. Эти события в значительной степени повлияли на радикализацию революционных событий в стране, на развязывание Гражданской войны. Февральско-мартовские самосуды 1917 года на флоте относятся к числу тех достаточно редких исторических фактов, когда трагичность происшедшего ясна, но события замалчивались, поиск виновников в лучшем случае оставлялся «на потом».

Только после Гражданской войны, когда настало время «собирать камни», стали появляться отдельные публичные оценки трагичной значимости самосудов 1917 года. Так, авторитетный флотский офицер-эмигрант Г.К. Граф отмечал: «Эти убийства были ужасны, но еще ужаснее то, что они никем не были осуждены»[1]. Другой известный свидетель событий Б.П. Дудоров (капитан 1 ранга, начальник воздушной дивизии Балтийского моря) в связи с самосудами писал: «Ничто не разделяет людей в такой степени, как взаимно пролитая кровь. Она отравляет души обеих сторон. В народах примитивных она рождает «кровную месть», живущую в поколениях. Но и среди людей высокой культуры она вырывает глубокую пропасть, засыпать которую могут лишь долгие годы»[2].

Самосуды были связаны, прежде всего, с известной авангардной ролью матросов в революции 1917 года. В научной и мемуарной литературе советского периода сложились следующие представления о причинах этой роли: резкая социальная разница между матросами и офицерами, в основном выходцами из высшего дворянства; тюремно-казарменная дисциплина на кораблях и в базах; высокий уровень грамотности матросов; возросшее значение флота как военной силы в условиях Первой мировой войны (на 1 января 1917 г. в списках боевых судов флота состояло 558 кораблей); близость основных флотских баз к столице; накопленные с 1905 года революционные традиции и деятельность революционных партий на флоте[3]. Однако эти причины следует дополнить, прежде всего социально-психологическими факторами[4]. Как представляется, среди них особенно важную роль играл оставшийся невыясненным на флоте вопрос о виновниках поражения в Цусимском проливе и в других сражениях Русско-японской войны 1904—1905 гг., носившей морской характер. Матросы были склонны считать виновниками офицеров и все командование, а офицеры — революцию и революционно настроенных матросов. Важными также были психологические причины внутрифлотского соперничества: повышенная революционная активность в 1917 году Балтийского флота по сравнению с Черноморским, в то время как у последнего была авангардная роль в революции 1905—1907 гг. Здесь очевидно значительно повлияла разница отношения к Первой мировой войне. Черноморцы активно участвовали в боевых действиях и видели продолжение революции в продолжении войны как революционной, что совпадало с позицией правых и соглашательских партий. Ядро Балтийского флота — линкоры — в сражениях участия не принимали и, когда началась революция, их экипажи стремились максимальной активностью в ней заявить о себе. В дальнейшем развитие революции больше пошло по антивоенному большевистскому пути. В стремлении теперь уже черноморцев «догнать» балтийцев при замалчивании трагизма февральско-мартовских событий волна самосудов, схожая с Балтийским флотом, прокатилась на Черноморском зимой 1917—1918 гг.

На необходимость искать истоки ожесточенности Гражданской войны еще в начале революционного процесса 1917 года и, прежде всего, в связи с февральско-мартовскими самосудами на флоте в дальнейшем обращали внимание и представители революционных партий. В частности, это особенно подчеркивал бывший Нарком юстиции левый эсер И.З. Штейнберг в известном труде «Нравственный лик революции»[5]. В целом причины трагических событий представителями различных партий целиком определялись их политическими пристрастиями. При этом диапазон мнений о причинах самосудов был очень велик: от абсолютной стихийности происшедшего до полной сознательности в действиях матросов в период Февральской революции, а сами эти действия представлялись то героическими, то преступными.

Например, в 1987 году «Морской сборник» в статьях, посвященных 70-летию февральско-мартовских революционных событий, утверждал: «В грозном семнадцатом под руководством большевистской партии военные моряки приняли активное участие в свержении царского самодержавия...»[6]. Далее, в первой статье, рассказывалось в основном о восстании в Кронштадте — в том духе, что началось оно по плану и по сигналу большевиков, что «повсюду были установлены засады с пулеметами», что «оказавшие сопротивление монархисты были убиты». Такое освещение событий отражало официальную точку зрения советских историков на Февральскую революцию, озабоченных, прежде всего тем, как бы не преуменьшить организующую роль большевиков и не преувеличить фактор стихийности[7]. Сегодня февральско-мартовские самосуды чаще либо замалчиваются[8], либо преобладают совершенно иные по сравнению с советским периодом утверждения. Например, такое: «О жестокостях, творимых восставшими, кое-что написано. Менее известно, что сохранившиеся в архивах описания матросских расправ над офицерами в Кронштадте и Гельсингфорсе оставляют далеко позади те ужасы, которые кинематографически нагромоздил А. Солженицын»[9].

Но ужасы самосудов достаточно подробно были описаны и в советской мемуарной литературе, в том числе и во флотской. Особенно это присуще было литературе 1920-х годов. Так, в ней без «приглаживания» описана расправа матросов над самой одиозной фигурой среди погибших офицеров — командиром Кронштадтского порта адмиралом Р.Н. Виреном, известным своей мелочной требовательностью к

соблюдению подчиненными уставных норм: «Толпа с ревом дикого зверя набросилась на беззащитную жертву...». Причем, Р.Н. Вирен выглядел «несчастливым», «с гордыми нотками»[10], в то время как офицеры-эмигранты, вспоминая Р.Н. Вирена в своих мемуарах, могли ограничиться упоминанием только случаев его явного самодурства. Типичным примером описания самосудов в Гельсингфорсе являются мемуары большевистского лидера, начавшего восстание линейного корабля «Павел I» Н.А. Ховрина, ранее находившегося под арестом и вернувшегося на корабль в первые дни после самосудов. Он не скрывал случайности многих жертв, особенно первых, явившихся, как правило, следствием накаленности общей обстановки и результата сдачи нервов (причем без разницы — у офицера или у матроса). А после, «связанная между собой уже не словами, а делом, команда не могла остановиться на этом»[11]. Н.А. Ховрин откровенно описывает жуткие сцены убийств офицеров с помощью «кувалды», с «добиванием» раненых и т.д., делает это не без сочувствия к офицерам, исполнявшим свой служебный долг и недальновидно оказывавшим сопротивление действиям матросов. Но в то же время он не осуждал действия убийц-матросов. Н.А. Ховрин назвал происходившие жестокости «лишь каплей в море по сравнению с тем, что приходилось переносить матросам за время службы от своего командного состава» и «детской забавой» по сравнению с расправами над матросами в 1905 году[12].

В качестве «средней» точки зрения советской литературы можно, пожалуй, привести свидетельство присланного ЦК РСДРП(б) в Кронштадт сразу после окончания Отдельных гардемаринских классов мичмана Ф.Ф. Раскольников, который писал: «Буржуазные газеты с бешеным ожесточением приписывали расстрелы кронштадтских офицеров нашей партии, в частности, возлагали ответственность на меня. Но я приехал в Кронштадт уже после того, как закончилась полоса стихийных расправ. Что касается нашей партии, то она, едва лишь овладев кронштадтскими массами, немедленно повела энергичную борьбу с самосудами. Расстрелы офицеров... носили абсолютно стихийный характер, и к ним наша партия ни с какой стороны не причастна»[13]. Это свидетельство верно, если не считать некоторого преувеличения автором своей роли и роли большевиков в «овладении» кронштадтскими массами. Самосуды главным образом прекратила не какая-либо партия, они резко пошли на убыль, как только сознательная часть кронштадтцев почувствовала, что победа революции обеспечена, а самосуды наносят ей вред.

В Февральскую революцию на флоте погибли около ста офицеров: в Гельсингфорсе — около 45, немногим меньше в Кронштадте, в Ревеле — 5, в Петрограде — 2, а также свыше 20 боцманов, кондукторов и сверхсрочников. Кроме того, 4 офицера покончили жизнь самоубийством, 11 пропали без вести (вероятно, убиты, или сбежали)[14]. В Гельсингфорсе было арестовано около 50 офицеров и в Кронштадте около 300[15]. Ряд офицеров, спасаясь от самосудов, сами пожелали быть арестованными[16]. В Гельсингфорсе большая часть офицеров была выпущена в первые же дни после событий. Но остальные, около двух десятков человек, в основном причастные к подавлению Свеаборгского восстания 1906 года, находились в тюрьме, по крайней мере, еще в июле 1917 года[17]. В Кронштадте в конце мая под арестом продолжали находиться 180 человек[18]. Временное правительство пыталось перевести их в Петроград отдельными группами. «Но, — как жаловался министр юстиции П.Н. Переверзев на съезде офицерских депутатов 25 мая, — каждый раз собирались огромные толпы, требовавшие, чтобы ни один офицер не был вывезен из Кронштадта. ...И, считаясь с непримиримым настроением в Кронштадте, мы не прибегали к решительным мерам, чтобы не вызвать насилий над заключенными офицерами»[19]. Фактически офицеры в Кронштадте как элемент управления утратили свою роль.

На лицо беспощадность матросского бунта. Всего во время Февральской революции в стране по разным данным погибло несколько сотен человек (как сторонников, так и противников самодержавия)[20]. Количество морских офицеров среди них соизмеримо с офицерскими потерями на флоте в битве при Цусиме (184) и в период Первой мировой войны до Февральской революции (208). Но дело даже не в цифрах и сравнениях. Численность жертв февральско-мартовских событий на флоте, как правило даже преувеличивается, но последствия расправ над офицерами явно недооцениваются, хотя современники отмечали, что «всего тяжелее дни революции прошли во флоте»[21].

Если беспощадность матросского бунта очевидна, то существовавший комплекс причин для него и отношение к жертвам бунта ясно ставят под сомнение его бессмысленность. Наиболее бессмысленным и случайным считается убийство командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина[22]. Произошло это днем 4 марта, когда уже закончилась полоса самосудов (в ночь на 4 марта). А.И. Непенин направлялся на многотысячный митинг гарнизона Гельсингфорса и был в воротах порта убит выстрелом в спину, раздавшегося из находившейся сзади группы матросов. Совсем другая судьба была у его товарища и единомышленника, командующего Черноморским флотом А.В. Колчака, что, казалось бы, подтверждает случайность убийства А.И. Непенина. А.В. Колчак стал чуть ли не героем Февральской революции. Считается, что главную роль здесь сыграло нежелание А.И. Непенина организовать манифестацию в Гельсингфорсе по случаю победы революции в Петрограде, в то время как А.В. Колчак сделал это.

На самом деле противоположность действий командующих была непринципиальной. Оба они были назначены на должности командующих флотами почти в одно и то же время (А.В. Колчак в середине 1916 г., А.И. Непенин двумя месяцами позже) и по одним и тем же соображениям — как сторонники активных методов борьбы с противником[23]. И А.И. Непенин, и А.В. Колчак были одними из главных фигур высшего военного командования, высказавшихся за отречение царя[24]. Им обоим при выступлении перед матросами в связи с восстанием кричали «Ура!»[25]. А.И. Непенин с получением известий об убийствах офицеров на кораблях 2-й бригады линкоров рекомендовал офицерам присоединиться к манифестации нижних чинов в городе[26].

Убийство А.И. Непенина произошло по той же причине, почему вообще самосуды в Февральскую революцию имели место на Балтийском флоте и их не было на Черноморском — разнице настроений балтийских и черноморских матросов в силу указанных факторов, а также по причине не очень заметных на тот момент деталей. Так, А.И. Непенин на встрече с представителями команд неосторожно высказался о возможности привлечения к ответственности в будущем виновных в убийстве офицеров[27]. Матросы к этому вопросу относились исключительно болезненно. А.В. Колчак, над которым «висел» разбор царем по окончании войны взрыва линкора «Императрицы Марии»[28], очевидно, более искренне радовался происшедшим событиям и не допускал подобных промахов. Кроме того, в Севастополь

новости поступали с опозданием и А.В. Колчак учитывал опыт реакции на самосуды командования на Балтийском флоте[29]. Возможно также, что в действиях А.И. Непенина, имело место сильное переживание за быстрые результаты своей «эмоциональной» телеграммы накануне отречения царя. А.И. Непенин мог посчитать, что его телеграмма привела к сокрушению 300-летней монархии, и неосознанно обострял положение, чтобы оправдать ее.

Все это сыграло свою роль на гарнизонном митинге в Гельсингфорсе 4 марта по случаю победы революции и закончилось трагедией для А.И. Непенина. Обстановку на митинге не называют причиной убийства А.И. Непенина ни матросские, ни офицерские мемуаристы. А между тем есть написанные по свежим следам публикации, в которых говорится о том, что в начале митинга закономерно возник вопрос: что делать с комфлотом? И в ответ более 20 тыс. голосов единодушно крикнули: «Смерть»[30]. В таком случае не одиночки и не немецкие шпионы убили А.И. Непенина, как об этом писала правая печать, а матросы «поторопились» исполнить волю митинга[31]. Поэтому анализ причин убийства заключается главным образом в анализе психологии матросской массы.

На вопрос: «почему же переход власти во флотских балтийских базах произошел в форме массовых самосудов?» — непосредственные свидетели и современники не могли дать ответа. Вот что писал один из представителей сравнительно нейтральной интеллигенции, которая, как правило, абсолютизировала какую-нибудь одну сторону событий: «Кто был вдохновителем и руководителем событий этого дня (1 марта, основного дня самосудов) в Кронштадте — не знаю. Несомненно, здесь было много стихийного, слепого и страшного мщения. Роковую роль в жестокостях играли женщины, работницы порта...»[32]. Другой вариант подобной оценки: «Эти печальные события в Кронштадте разразились потому, что там было много штрафованных и других матросов, которых никто не хотел брать на суда, как негодный элемент. Словом, отбросы флота. Между ними и офицерами были чересчур натянутые отношения и, когда «укротители зверей» остановились в некотором замешательстве в начале движения, звери бросились на них и растерзали. Кровь опьянила их, они осатанели»[33].

С такой оценкой нельзя согласиться. Далеко не все флотские офицеры смотрели на подготовку матросов как на дрессировку, и не всем при этом мешала их сознательность. Они, как пишет Г.К. Граф, «терялись в догадках, стараясь найти причину убийства наших несчастных офицеров»[34]. Он привел рассказ командира линкора «Андрей Первозванный» капитана 1 ранга Г.О. Гадда, которому в критический момент удалось выступить перед толпой матросов и задать им вопрос: «Чего вы хотите, почему напали на своих офицеров?». В ответ один крикнул: «Кровопийцы, вы нашу кровь пили...». Другой предъявил претензию: «Нам рыбу давали к обеду». И только в ответе третьего: «Нам к вам не допускали офицеры» — звучал некоторый «легитимный» мотив[35]. Понятно, что такие ответы офицерам ничего не объясняли. Отношение к потенциальной жертве могло смениться в короткий промежуток времени с гнева на прямо противоположное состояние. По воспоминаниям делегации матросов, которая приехала сообщить находившемуся под арестом начальнику минной обороны вице-адмиралу А.С. Максимову об избрании его вместо А.И. Непенина командующим флотом, он сказал им: «Вчера вы меня арестовали, сегодня выбрали комфлотом, а завтра, может быть, повесите»[36]. Во время упомянутого митинга с капитаном 1 ранга Г.О. Гаддом одна часть матросов, только что убившая двух кондукторов, захотела и его «взять на штыки», но к счастью для Г.О. Гадда верх взяла другая, захотевшая качать «на "ура" нашего командира»[37]. Качали и других офицеров, которым до этого угрожали самосуды[38].

В конце концов, по мнению Г.К. Графа, приняли версию об уничтожении офицеров по спискам, подготовленным большевиками и немецкими шпионами[39]. Подобная «бульварная» версия для флотских офицеров, недоумевающих, за что же история выбрала их «стрелочниками», по-человечески как-то объяснима, хотя многие офицеры, сделав в свое время правильные выводы из «червивого мяса» «Потемкина», находили теперь объяснение и «рыбе», а тем самым, определяли и свое место в революции. Но эту версию в 1917 году подхватили широко не только правые газеты, но даже такие деятели как Питирим Сорокин[40]. Эту версию можно встретить и у современных авторов[41]. «Расстрельные списки» действительно появились на Черноморском флоте[42]. Вероятно под влиянием этой шумихи и слухов какие-то «инициативные» группы матросов действительно их составляли. Серьезного значения в Севастополе весной 1917 года они не имели. Там было сначала совсем другое отношение к офицерам, в том числе под влиянием памяти о лейтенанте П.П. Шмидте, пышное перезахоронение которого было устроено под руководством А.В. Колчака, а также вследствие вышеуказанного желания вести революционную войну.

Со временем все значимые детали истории офицерских жертв, в том числе их не случайности проявлялись. Историки сегодня в поисках причин самосудов, находят логику, хотя и «палаческую»[43], и какой-то определяющий социально-психологический фактор. Чаще других обращается внимание на «факт скученной изолированности людей, привыкших к просторам и сдерживающему давлению знакомого социального окружения. Матросы, томившиеся в бездействии в железных коробках, жестоко мстили именно определенного типа командирам»[44]. Однако если в современных публикациях «антимонархическая» и «шпионско-провокационная» версии почти исчезли, то в целом имеется тенденция на основании фактов самосудов февральско-мартовских дней высказать «главное убеждение... в том, что сущностью настроения революционных матросов февраля—октября 1917 года были не социал-демократические, а люмпен-пролетарские настроения»[45], или же объяснить их как «важнейший показатель психопатологического вырождения революции»[46] и преступно-уголовной сущности толпы. Представляется также не совсем верным искать главные причины самосудов в низкой политической и общей культуре матросов. Более правомерной выглядит главная причина убийств офицеров, как носителей «другой правды»[47]. Но это в том случае, если сущностью «другой правды» признавать нежелание офицерами радикально менять порядки на флоте.

С тенденцией изображения матросов в февральско-мартовских событиях как психопатологической и уголовной толпы согласиться нельзя. Да, в них проявился типичный стихийный механизм толпы. Однако бессознательное в самосудах не следует считать преобладающим явлением. Даже толпа может быть структурированной и одухотворенной общей идеей[48]. Кроме того, вопрос с сознательностью на флоте стоял принципиально. Можно предположить, что значительная часть матросов принципиально не теряла контроля над собой. Ф.Ф. Раскольников отмечал, что во время самосудов «никем не руководимое движение с поразительной меткостью наносило свои удары»[49]. В

этой оценке содержится преувеличение, которое могло быть результатом постреволюционной «абберации зрения». Однако мысль о том, что у матросов, по крайней мере, был какой-то минимум целенаправленности и осознанных представлений о правоте своих действий, верна.

Более объективной представляется точка зрения офицеров старого флота, оставшихся служить в советском ВМФ. Так, артиллерийский офицер линейного корабля «Полтава» Г.Н. Четверухин, свидетельствуя, что накануне самосудов офицеры сознавали, что дело не в конкретных личностях, а «все мы для них неугодные»[50], отмечал, что, хотя «действительно было убито много реакционных офицеров, которые своим отношением к подчиненным заслужили справедливую ненависть матросов», но дело было «не совсем так», как говорится в современной литературе о «расправе революционных матросов с ненавистными им реакционерами-монархистами». Он перечислил убийства, имевшие разные причины: по политическим соображениям, чтобы избавить флот от лиц, способных отрицательно повлиять на ход восстания; для сведения личных счетов; против офицеров — сторонников «палочной дисциплины»; или имеющих немецкие фамилии[51].

Особенно «не вписывается» в объяснение причин самосудов в период Февральской революции основная версия всей послефевральской литературы о борьбе с «реакционерами-монархистами». Матросы не были непримиримы к монархии. Для них главным являлось изменение существовавшего порядка вещей. Ход Февральской революции на флоте это подтвердил. Особенностью самосудов было то, что их главная нацеленность как раз не была направлена против офицеров, известных своей приближенностью к монархии. Так, морской министр И.К. Григорович остался единственным не арестованным царским министром[52]. Никто не только ни пострадал в Морском штабе при царской Ставке, но в связи с революцией его меньше других затронули кадровые изменения[53]. Матросы не любили младших офицеров, связанных с А.Ф. Керенским, с меньшевистско-эсеровскими Советами (В.И. Лебедева, В.Н. Филипповского и др.). В то же время такие открыто монархически настроенные старшие офицеры, как М.К. Бахирев[54], Г.О. Гадд, А.В. Развозов и ряд других управляли флотскими соединениями и частями, в значительной степени опираясь на поддержку общественного мнения матросов. Обошлось без жертв среди офицеров и гардемарин Морского корпуса, известного своими монархическими симпатиями. Корпус был одной из немногочисленных воинских частей на флоте (вместе с новобранцами 2-го Балтийского экипажа в Петрограде и Военно-морским инженерным училищем в Кронштадте[55]), оставшихся верными присяге и долго оказывавших вооруженное сопротивление революционным толпам[56]. Помогло и то, что часть радостно возбужденной толпы из-за общих симпатий к флоту склонна была видеть в гардемаринах наследников выпускника корпуса лейтенанта П.П. Шмидта, а больших сил матросов рядом не было.

Известной является история с двоюродным братом царя, комендантом дворцовой охраны, капитаном 1 ранга великим князем Кириллом Владимировичем. Он, надев красный бант, смог привести 1 марта 1917 года подчиненный ему Гвардейский экипаж, чьи матросы охраняли царскую семью, в рядах первых воинских частей, приветствующих победу Февральской революции, к Таврическому дворцу, где находились Временный комитет Государственной думы и Совет рабочих и солдатских депутатов. А накануне в дом к нему ворвался «вооруженный сброд» с требованием предоставить автомобиль для поездки в Думу. Кирилл Владимирович согласился «при условии, что они его не разобьют». Этого хватило, чтобы «они закричали "Ура!" и попросили его "возглавить их компанию"»[57].

На отсутствии однозначной антимонархической направленности самосудов сказалось и то, что сами офицеры-монархисты морально были более готовы к революции, чем те офицеры, кто смотрел на нее накануне сквозь «розовые очки». Монархисты, исходя из прошлого опыта матросских протестов, смотрели трезво на возможные крайние формы ощущавшегося во всех слоях общества социального взрыва. Их не шокировали самосуды, и кто из них хотел или стремился отвести естественные подозрения в контрреволюционности, тот начал подчеркивать лояльность к революции и проявлять готовность к решительному изменению существовавшего порядка (убийство монархистами Г.Е. Распутина это также подтверждает). Поэтому не только Кирилл Владимирович, но и личный состав Ставки, от которой и ждали руководства борьбы с революцией, надел красные банты и во главе с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом от инфантерии М.В. Алексеевым принял участие в манифестации в Могилеве с местным населением «в целях прославления торжества революции»[58].

Обстановка на флоте и в стране накануне Февральской революции также свидетельствовала против «психопатологической» версии за определенную степень сознательности матросов в ходе переворота, отражавшей их авангардную революционную роль. Историки отмечают, что в этот период «появились неслыханные ранее призывы к царевубийству»[59]. Тот же Р.Н. Вирен оставил очень точную оценку подобного настроения матросов, сделанную им в частном письме от 15 сентября 1916 года: «Вчера я посетил крейсер «Диана». На приветствие команда отвечала по казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривался в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред уставших нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере, такое впечатление оставил у меня этот кошмарный шморт»[60]. Примерно также ощущалась обстановка на Черноморском флоте. Офицер-подводник Н.А. Монастырев писал: «Какой-то взрыв ожидался и сверху, и снизу, предвещающая для страны ужасные последствия. С самыми мрачными предчувствиями мы вступили в 1917 год»[61].

Кто же был конкретными исполнителями убийств? Здесь следует согласиться с тем, что в роли конкретных убийц преобладали уголовно-деклассированные элементы. За этой констатацией стоят не нынешние умозаключения, сделанные исходя из общего пересмотра отношения к революции, а факты, на которые начали обращать внимание революционеры еще в 1917 году. По мере развития революции, когда все больше обнаруживался вред левого экстремизма, большевики и экипажи стали замечать, что те из матросов, кто были склонны к воровству и прочей уголовщине, особенно требовали офицерской крови в февральско-мартовские дни. Они это делали и в дальнейшем, стараясь ультрареволюционностью прикрасить свои неблагоприятные наклонности[62].

Принципиальным является то, что среди убийц офицеров были не настоящие революционеры и даже не известные своей

недисциплинированностью матросы. Например, П.Е. Дыбенко, первого председателя Центробалта, который до революции мог даже спорить с офицерами, порой открыто ругал царя, правительство и командование, а, случалось, призывал к восстанию, чем отпугивал других матросов-большевиков[63]. Скорее среди них были ранее малозаметные матросы, «темные личности» и матросы, чуть ли не наиболее известные своей монархичностью. С одной стороны они также стремились своей ультрареволюционностью прикрыть прежний монархизм. Однако чтобы решиться на убийство, простого внешнего мотива — отмежеваться от прежней монархичности — вероятно, было недостаточно. Очевидно, дело было больше во внутреннем отмежевании. Революционная обстановка у многих матросов переворачивала все прежние представления о незыблемости самодержавия, разрыв в сознании между привычными понятиями и реальной действительностью был особенно большой. Такие матросы раньше терпели унижения от офицеров, так как считали это их неотъемлемым правом как дворян, как приближенных к царю. Теперь же революция показывала, что такой порядок был несправедлив. И они мстили за свои унижения, доходя до убийств, используя разные, часто формальные поводы, которые были первоначально достаточными для основной матросской массы, заинтересованной в невозвратимости старых порядков. Среди матросов-убийц были и такие, которые из-за своих монархических убеждений искренне сотрудничали с охранкой. На кораблях считалось, что тем самым они стремились замести следы[64]. Во всяком случае, матросская масса оправдывала убийства, но не убийц и последние сразу после Февраля «ушли в тень», исчезли из флота, и в мемуарах нигде не фигурируют.

Зато в литературе имеется немало фактов, свидетельствующих о том, что убежденные противники царизма, матросы-каторжане, как раз в первую очередь принимали меры против самосудов, понимая их вред для революции[65], правда при этом замалчивается роль их дореволюционной пропаганды. На острове Нарген произошел уникальный в этом плане случай. По воспоминаниям председателя Наргенского Совета П.Д. Коваленко, офицеры спасались там от расправ, которые собирались осуществить над ними под влиянием известий о революции молодые матросы-артиллеристы. Офицеры обратились за защитой к содержащимся на острове матросам-каторжанам, осужденным в 1913 году по нашеству «процессу 52-х»[66]. Подобная ситуация была обусловлена тем, что молодые матросы были озабочены стремлением показать себя решительными сторонниками революции, а у матросов — старых революционеров такой необходимости не было. Они заботились о том, чтобы не скомпрометировать революцию, которую они готовили.

В числе жертв самосудов были в первую очередь не потенциальные политические противники революционеров и не самые строгие начальники, а те, кто допускал унижительное отношение к матросам, кто может быть и вел себя по отношению к ним внешне вежливо, строго не наказывал и не кричал, но внутренне убежден был в этом праве, в своем изначальном превосходстве, кто считал матросов «черню». При этом приоритетной не была никакая-либо личная неприязнь к офицерам. Скорее она являлась поводом для самосуда. Главным было — какую опасность представляет офицер в данной ситуации для возможности возврата к старому. Лозунг восставшей матросской толпы: «Братцы, надо крови!..» — был обусловлен стремлением «сжечь мосты» и страхом возможного возмездия в случае возврата к старому[67]. Именно этим страхом была обусловлена крайняя нетерпимость матросов к каким-либо разговорам о возможности наказания за самосуды над офицерами, несмотря на отсутствие личной неприязни к ним. Особенно показателен в этом плане случай с мичманом Биттенбиндером, которого матросы убили на миноносце «Гайдамак», как случайного свидетеля их расправы над командиром миноносца «Уссуриец»[68]. На его похоронах была вся команда и многие даже плакали, но при этом считали Биттенбиндера неизбежной жертвой революции[69]. Можно сказать, что матросы ясно чувствовали справедливость переворота в феврале 1917 года, но не могли осознавать объективность процессов, которые вели к революции и созрели чуть ли не веками. Весь комплекс причин, обусловивший особо радикальную их готовность к революции, созревший гораздо раньше должен был персонифицироваться в конкретных противниках свержения самодержавия, на которых держалась вековая несправедливость. Таковыми и стали офицеры.

На Временном правительстве и стоящих за ним партиях, которые в отличие от матросов обладали определенным историческим сознанием, как на новой власти, лежала моральная и юридическая обязанность проявить должную настойчивость, дать правовую оценку трагедии и отделить революционеров от убийц-уголовников. Но этого сделано не было. Хотя кровавые бунты на флоте, как справедливо отмечал А.И. Деникин, «служили первым предостережением для оптимистов»[70], Временное правительство поддалось послереволюционным «розовым» утопическим настроениям в стране. Оно больше думало о сохранении своей власти, опирающейся на общественное мнение страны, которое не знало конкретной обстановки на флоте и удовлетворялось (до поры до времени) сознанием неизбежности происшедшего. Значительная часть населения страны считала, что убийства офицеров на флоте стоят в одном ряду с убийством фельдфебелем Кирпичниковым офицера (в спину) 27 марта во время бунта учебной команды Волынского полка, за что командующий Петроградским округом Л.Г. Корнилов лично наградил его Георгиевским крестом[71]. В 1917 году правые газеты все же не раз вспоминали о февральско-мартовских днях на флоте причем, подчас преувеличивая число жертв и ужасов. Однако делалось это исключительно с целью опорочить своих левых политических противников на флоте, как правило, большевиков, но никак не для того, чтобы выяснить подлинные причины, за которые они были более ответственны, так как считали себя «мозгом нации», а политику самодержавия — «глупостью или изменой» (П.Н. Милюков).

На флоте приходило осознание того, что виновниками самосудов были как раз новые власти и меньшевистско-эсеровские Советы, сыгравшие весьма активную роль в свержении самодержавия, а также конкретные убийцы, но не основная масса матросов и большевики, о которых даже в главных балтийских базах до весны 1917 года имелись смутные понятия. Как матросов, так и офицеров, тяжело переживавших трагедию самосудов, раздражало даже одно упоминание о них в проправительственной прессе. Ведь получалось, что эта пресса больше самих моряков волнуется за трагедию, преследуя при этом политические цели и не чувствуя никакой вины за собой, тем более, когда упоминания о самосудах, а этим грешил особенно А.Ф. Керенский, сопровождались призывами вину «искупить на поле боя», «не допускать выступления черни» и т.п. Подобная политика провоцировала левозастремистские выступления.

Актуальны ли сегодня уроки февральско-мартовской трагедии 1917 года на Балтийском флоте? К сожалению, стихийные выступления с самосудами имеют место и в современной жизни[72]. Но особенно их можно сравнить с периодом перестройки, со случаями массовых

самосудов и погромов, которые имели место в процессе обретения рядом бывших южных республик своей независимости при распаде СССР. Причины этих погромов коренились в длительном замалчивании нарастания межнациональных и других противоречий в советское время. Но когда в период перестройки трагедии разразились, то, несмотря на официальную гласность, они также замалчивались, причем, как прокоммунистическими, так и демократическими СМИ. Также и сегодня о них предпочитают молчать как российские, так и национальные СМИ бывших республик. Жертвы самосудов выглядят как бы неизбежной ценой национальных революций подобно офицерским жертвам на флоте в период Февральской революции, а погибшие при подавлении стихийных выступлений, в том числе и откровенные погромщики-убийцы, выглядят как бы погибшими героями национально-освободительной борьбы. Сегодня они в ряде случаев торжественно захоронены в единых могилах, ставших мемориалами «жертв национально-освободительных революций», к которым официальные делегации, в том числе и РФ, возлагают венки.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 285.
- [2] Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 224.
- [3] Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 24—28; Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. С. 26—35.
- [4] Подробнее об этом см.: Елизаров М.А. Причины левого экстремизма на флоте в период революционных событий 1917 года и Гражданской войны. СПб., 2001.
- [5] Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 25, 26.
- [6] Морской сборник. 1987. № 2. С. 58.
- [7] См. об этом: Соболев Г.Л. Февральское восстание рабочих и солдат в Петрограде: психология коллективного поведения в экстремальных условиях // 80 лет революции 1917 года в России: Респ. науч. конф. 11—12 марта 1997 г. / Под ред. Г.Л. Соболева и В.И. Старцева. СПб., 1997. С. 3.
- [8] Например, в труде «Три века Российского флота» им уделено одно предложение: «Не обошлось без эксцессов — на многих кораблях расстреливали офицеров» (Три века Российского флота: В 3 т. СПб., 1996. Т. 2. С. 114). К определению «на многих кораблях» можно отнести не более 10 проц. всех российских кораблей, а вот последствия этих эксцессов сыграли в конечном итоге большую роль в гибели почти всего флота в годы Гражданской войны.
- [9] Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 58. Впервые в постсоветской литературе февральско-мартовские самосуды на флоте в духе подобной оценки проанализированы в диссертации В.В. Беляева (Балтийский флот в период буржуазно-демократической революции в России. Вопросы историографии. Дис... канд. ист. наук. СПб., 1992), где им посвящена одна из трех глав.
- [10] Пошехов В. Ночь на 1-е марта 1917 г. в Кронштадте // Красный балтиец. 1920. № 1. С. 33.
- [11] Ховрин Н. В 1917 г. во флоте // Красная летопись. 1926. № 5. С. 57.
- [12] Там же.
- [13] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 38.
- [14] См.: Петраш В.В. Указ. соч. С. 52, 53; Чижов А.М. Мартиролог // Андреевский флаг. 1992. № 3—4; Комментарии // Граф Г.К. На «Новике». С. 456, 457. К числу «законных» жертв восстания можно отнести разве что группу городских численностью около 6 человек, «засевших» (но нигде не говорится определенно, что они стреляли) в одном из домов у кронштадтского рынка (см.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сб. документов. М.; Л., 1957. С. 21). Есть свидетельство, что один жандарм зарубил матроса (Лукин А.П. Русские моряки во время великой войны и революции: В 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 186).
- [15] См.: Петраш В.В. Указ. соч. С. 52, 53; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-269. Оп. 1. Д. 67. Л. 23, 24.
- [16] См.: РГА ВМФ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 (Протокол заседания Кронштадтского Совета за 11 марта 1917 г.).
- [17] Кожевин В.Л. Деятельность Союза офицеров армии и флота (май—август 1917 г.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 140.
- [18] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 14. Д. 5. Л. 22.
- [19] Офицерский корпус в политической жизни России. Документы и материалы: В 12 т. Калуга, 2002. Т. 2. С. 152.
- [20] Телицын В.Л. И.П. Лейберов. В последние годы... Сборник статей и очерков // Отечественная история. 2005. № 5. С. 192. По другим данным число погибших составило около 170—180 человек (см.: Пайпс Р. Русская революция. В 2 частях. М., 1994. Часть первая. С. 332). Но примерно столько было торжественно захоронено на Марсовом поле 23 марта 1917 г., как погибших за революцию (см.: Измозик В.С. Марсово поле — пантеон участников второй российской революции 1917—1921 гг. // Петербургская историческая школа: Альманах. Приложение к журналу для ученых «Клио». СПб., 2002. С. 371). При этом надо иметь в виду, что на числе захороненных сказалось состояние массового сознания, склонного преувеличивать число жертв революции. Его отражали и все газеты. Так, «Речь» писала о 1400 убитых в Петрограде (См.: Архипов И.Л. Столичная политическая элита в Февральской революции: опыт реконструкции политико-психологического облика // Новый часовой. № 10. СПб., 2000. С. 71). Газеты, как правило, давали общие цифры жертв с ранеными. «Правда», например, поместив сообщение о похоронах 23 марта на Марсовом поле погибших в дни Февральской революции, написала, что всего «пострадало 1382 человека».
- [21] Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915—1922 гг. // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 2. СПб., 1991. С. 140. Это нередко отмечается и другими мемуаристами и историками (см., например: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 373, 374; Пайпс Р. Указ. соч. С. 332; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 6).
- [22] Обстоятельства гибели А.И. Непенина, а также разные точки зрения на нее наиболее подробно описаны в романе Н.А. Черкашина: «Кровь офицеров...». М., 2001. С. 95—148.

- [23] См.: Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. С. 190, 191.
- [24] В отношении поведения А.В. Колчака при отречении царя существует версия А.И. Солженицына, противопоставляющая его другим командующим (Март Семнадцатого / Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках // Собр. соч. М., 1987. Т. 17. С. 16—19). Однако большинство историков считает ее неправомерной, особенно с точки зрения активности А.В. Колчака в признании нового правительства (см.: Шешунова С. Образ адмирала Колчака в художественной литературе // Посев. 2004. № 9. С. 30, 31).
- [25] См.: Четверухин Г. Спохохи воспоминаний // Морской сборник. 1990. № 3. С. 93.
- [26] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С.36.
- [27] Четверухин Г. // Морской сборник. 1990. № 3. С. 93.
- [28] Примечательно, что урок гибели «Императрицы Марии» помогал сдерживать матросов и в Гельсингфорсе (См.: Четверухин Г. // Морской сборник. 1990. № 3. С. 91).
- [29] См.: Спецархив: документы и судьбы. Превратности жизни адмирала Колчака // Морской сборник. 1990. № 9. С. 83.
- [30] А травля продолжается // Голос правды. 1917. 7 июня.
- [31] Поэтому не только по причине политической конъюнктуры после Гражданской войны некоторые «одиночки» хвастались убийством, а и по причине выполнения воли митинга. См.: Грудачев П.А. «Свое участие в революции... я начал с расстрела адмирала Непенина» // Андреевский флаг. 1992. № 3.
- [32] Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб., 1996. С. 609. Примечательно, что после Февральской революции в Кронштадте на гарнизонные собрания женщин не пускали. Правда, объяснялось это стрельбой «дочери генерала» по восставшим (см.: Гордиенко И. В Кронштадте в 1917 г. // Красная летопись. 1926. № 21. С. 54).
- [33] Князев Г.А. Указ. соч. С. 140.
- [34] Граф Г.К. «На «Новике»». С. 284.
- [35] Там же. С. 271.
- [36] Там же. С. 93; Февральская революция на Балтийском флоте (из дневника И.И. Ренгартена) // Красный архив. 1929. Т. 32. С. 109.
- [37] Граф Г.К. «На «Новике»». С. 271, 272.
- [38] Там же. С. 263, 264.
- [39] Там же. С. 284, 285.
- [40] См.: Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991. С. 88.
- [41] См.: Бунич. И. В огне войн и переворотов: В 2 кн. Ростов-н/Д, 1995. Кн. 2. С. 372.
- [42] Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 82.
- [43] Булдаков В.П. Красная смута. С. 58.
- [44] Там же; Прости, «Аврора» // Комсомольская правда. 2003. 21 мая.
- [45] Беляев В.В. Указ. соч. Л. 122.
- [46] Булдаков В.П. Красная смута. С. 122.
- [47] Киличенков А. «Братцы, надо крови!..» // Родина. 1996. № 7—8. С. 74.
- [48] Там же.
- [49] Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 38.
- [50] Четверухин Г. // Морской сборник. 1990. № 3. С. 91, 92.
- [51] Там же. С. 95.
- [52] См.: Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 65.
- [53] Бубнов А.Д. В царской Ставке. М., 1995. С. 146—149.
- [54] Бахирев, единственный из флагманов в дни революции заявил, что «остаётся верен его величеству». (Граф Г.К. «На «Новике»». С. 252).
- [55] См.: Найда С.Ф. Революционное движение в царском флоте. М.; Л., 1948. С. 576.
- [56] В художественной форме Морское училище в Февральской революции описано в повести С. Колбасьева «Арсен Люпен». См.: Колбасьев С. Повести. Рассказы. Мурманск, 1981. С. 64—72. См. об этом также: Князев Г.А. // Указ. соч. С. 115, 117, 123, 136, 139; Раскольников Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 25.
- [57] Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 13, 239, 240. По мнению Кирилла Владимировича «простонародье и мятежные солдаты столицы не были особенно враждебно настроены к Государю». «Почву для революции подготовили именно те люди, которые были обязаны своим высоким положением Государю. Русский народ не виноват, он был обманут» (Там же. С. 237, 238).
- [58] Бубнов А.Д. В царской Ставке. С. 146.
- [59] Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого. СПб., 1997. С. 40, 41. (Солдатские письма с фронта в годы мировой войны (1915—1917 гг.) // Красный архив. 1934. Т. 4—5. С. 159).
- [60] Известия Кронштадтского Совета. 1917. 20 июля.
- [61] Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб., 1995. С. 81.
- [62] См.: Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 30 сентября (Статья матроса А. Климантова «Ради жены и детей»).
- [63] Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1987. С. 16, 17.
- [64] Там же. С. 62.
- [65] Привольный А.А. Матрос с крейсера «Россия». Баку, 1987. С. 32, 33.
- [66] Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М., 1958. С. 451, 452.
- [67] См. об этом: Киличенков А. Указ. соч. С. 74; Хасегава Ц. Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Т. 1. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 100, 101.
- [68] Хозиков В. Тайны «маленьких» людей и большой политики // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 9 февраля.
- [69] Киличенков А. Указ. соч. С. 74.
- [70] Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 146.

[71] Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918—1921) — урок для XXI века. М., 2003. С. 63.

[72] См. об этом, например: Абрамов Б. Приостановить самосуд в России // Советская Россия. 2006. 16 августа.

Елизаров Михаил Александрович.

Родился 12 июня 1949 года. Капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (1987). В настоящее время — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военно-морского института.

Сочинения: Причины левого экстремизма на флоте в период революционных событий 1917 года и Гражданской войны. Учебное пособие. СПб.: Изд. ВМИ, 2001. 71 с.; Кронштадтцы в июльских событиях 1917 года // VI Царскосельские чтения. Науч.-практ. конф. с международным участием 23—24 апреля 2002 г. Т. VI. История и современность. СПб.: Изд. ЛГОУ, 2002. С. 29—33; Матросы после Октябрьского восстания в Петрограде в 1917 г. и их место среди городского населения // История российской повседневности. Материалы 26 Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2002. С. 147—149; Лозунг «морской диктатуры Балтийского флота» в мае 1918 г.: предпосылки и последствия его выдвижения // Общество и власть: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб.: Изд. СПбГУКИ, 2003. С. 208—216; Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 г. // Отечественная история. 2004. № 1. С. 165—176; Преодоление большевиками левозэкстремистских лозунгов захвата власти на флоте весной 1917 года // История России сквозь призму борьбы за власть. Материалы 34 Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2004. С. 89—91; Выступления матросов в Петрограде 14 октября 1918 г. // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 129—133; Отношение матросов к юнкерам в дни Октябрьского восстания 1917 года и «мятежа Керенского-Краснова» // Россия и мир. Гуманитарные проблемы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. СПб.: Изд. СПГУВК, 2004. С. 126—131; Причины и последствия убийства контр-адмирала К.Ф. Кетлинского 28 января 1918 г. // Герои и антигерои в исторической судьбе России. Материалы 35 Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2004. С. 145—150; Матросские массы в 1917—1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб.: Изд. ВМИ, 2004. 282 с.

25 Мая 2014 14:30

Адрес страницы: <http://history.ric.mil.ru/Stati/item/118208/>